

ИСТОРИЯ ГОДА

Повесть о сокровенном значении религиозных праздников и церемоний

Записана М. Коллинз

Предисловие и перевод с английского
Е. Писаревой

От переводчика

Для читателя, обладающего интуицией, и для теософа книжка эта, маленькая по объему, но большая по глубине, будет интересна и без комментариев. Но для читателей, незнакомых с теософической литературой, мы считаем необходимым дать несколько указаний.

Все учения Теософии основаны на идее эволюции, на постепенном переходе от простого к сложному, от несовершенного к совершенному. И «новая психология», как с полным основанием можно назвать теософические учения о душе, опирается во всех своих положениях *на закон эволюции*; она утверждает, что человек находится в постоянном процессе развития, что на заре своего существования он был не таков, каким мы знаем его ныне, точно так же и в далеком будущем он будет совершенно иным, чем в наше время: у него разовьются новые силы, новые способности, новые органы восприятия.

Восемь глав *Истории Года* дают духовные переживания ученика оккультной школы, *челы*, как его называют на Востоке, «сверхчеловека», как назвали бы на Западе, способного на такие переживания.

Вся психология «ученика» основана на возможности, благодаря усиленной работе сознания и воли, *ускорить естественную эволюцию души*, раскрыть — великим внутренним напряжением — божественные свойства, скрытые в каждой человеческой душе. Психология эта совершенно чужда западноевропейскому сознанию, более того, она должна казаться ему сказочной и недоступной. Отделяться — по воле своей — от физического тела, проникать — ещё при жизни — в высшие миры, сохранять непрерывность сознания, земного и потустороннего, — вот чего должен достигнуть чела, и чего он, несомненно, достигает, если его ученичество доходит до конца. Внутренний подвиг, совершаемый челой, сосредоточивает усилия многих и многих воплощений *в одной* короткой земной

жизни, и уже из этого одного следует — какая могучая воля и какое безграничное терпение требуется на пути ученичества.

В «Истории года» разворачивается глубокая драма душевных переживаний «ученика». Её можно определить одним словом: *самоотречение*. Одно за другим должен он вырывать из себя всё личное, уничтожить безвозвратно ту самость, которая и является причиной, почему человек так ярко чувствует свои личные переживания, без которых кажется невозможным самое ощущение жизни. Но ученик «должен вырвать эту вещь из своего сердца. И тогда сердце начнёт истекать кровью, и вся жизнь покажется разрушенной»*. Пока он не сделает этого и будет по-прежнему жить в своём личном я как в центре, обособленном от остального мира, — он не может участвовать в высшей жизни Духа.

* Свет на Пути

Жизнь Духа — сверхлична и вся направлена на *служение*. Только когда ученик очистит своё сердце, победит свою личность и поднимется *над ней*, — тогда только Учитель принимает его как новую благую силу для помощи страдающему миру. В этом состоит подвиг ученика, и только в этом смысл «тесного пути», на котором трудится его душа.

Е. П.

ИСТОРИЯ ГОДА

Глава I

История Распятия, Погребения и Воскрешения из мёртвых, на которую одни смотрят как на красивую легенду, а другие — как на однажды совершившееся божественное событие, есть неотделимая часть жизни мира, которая разыгрывалась во все времена и будет разыгрываться до окончания веков. И до тех пор, пока существует земная форма жизни, снова и снова — во всех подробностях — будет повторяться эта величайшая из всех драм, как в жизни отдельного человека и в более обширной жизни мира, так и в истории каждого года.

Осень, зима и весна повторяются с неизменной точностью; рождение, смерть и воскресение отмечают последовательные периоды каждой индивидуальной жизни. Относительно безличной природы то же самое чудо совершается действием божественного Духа, который, спускаясь, проникает в материю и снова возвращается к божественному Источнику.

Желание, брак, рождение, вот что ведет нас сюда. Любовь, смерть, воскресение, вот что уводит нас отсюда. Для первых трёх символами могут служить алые розы, вторые три, бесконечно более прекрасные и несравненно нежнее благоухающие,

подобны белым розам. Картинно изображающая их легенда, которая и составляет центральное повествование всех великих мировых религий, — до того жизненна, что её можно проследить в ежегодной драме, неустанно разыгрывающейся на наших глазах.

Астральная жизнь природы, совпадающая во всём существенном с астральной жизнью человека, повторяется с совершенной точностью и неизменной правильностью.

Как с каждым появлением весны распускаются новые зелёные листочки, так и внутреннее значение этих зелёных листочков должно обнаруживаться со всей драматической полнотой. Ясновидцам удалось заглянуть в тайну этой, старой, как мир, и все же вечно юной истории и передать её людям, как единое откровение; но ни ограничивать её, ни предъявлять на неё своё исключительное право не должна ни одна религия и ни одна личность; эта история — принадлежность всей материальной жизни в целом, если понимать под материальной жизнью всю Природу, включая и человека, поскольку он — физическое существо.

Декабрь есть месяц рождения года, когда душа человека и душа мира и вся природа проходят через родовые муки. Февраль и март — месяцы смерти. Апрель — месяц воскресения из мёртвых. Май — месяц превращения из одного состояния в другое.

Кто желает преобразить жизнь года в божественную, тот должен присутствовать при церемониях этих священных месяцев.

Рождество, Страстная Пятница и Светлое Воскресение являют собой три момента в году, когда происходят три главные Церемонии. Остальные — только подготовка к ним. Но душа «ученика» должна присутствовать на них и понимать их смысл, иначе, когда настанут великие дни, душа не будет *знать*.

В декабре происходит семь Церемоний. Первая — «Желание Рождения»; через пять дней настает «Переживание Ужаса»; через три дня «Церемония Посвящения»; через пять дней «Праздник Любви»; еще через пять дней «Праздник Единения». Через семь дней после того наступает «Праздник Удовлетворения»; пять дней позднее — великий «День Рождения», известный христианам как Рождество Христово.

Оккультист, или ученик эзотерической школы, желающий сделаться частью жизни Целого, проникает в эти священные часы в самую суть астральной души мира и познаёт некоторые из тайн божественной Жизни и её брачного союза с материальностью.

Один из учеников, проникший в эти Мистерии, дал несколько описаний церемоний и праздников и несколько формул, произносимых при этом.

Первая Церемония, *Желание Рождения*, так далека от человеческой и материальной жизни, является в такой степени частью ещё не рожденного духа,

что описать её почти невозможно. Она не передаваема на человеческом языке. Происходит она в начале декабря, и с неё начинается мистическая история года.

Следующая Церемония, происходящая пять дней позднее, — *Переживание Ужаса*. Ученик, вступающий в храм Познания (место, знакомое ясновидцам), находит его в этот день тёмным и пустынным, с широко распахнутыми дверями... Ветер стремительно проносится через него...

Внутри всё проникнуто тревогой, ни одной точки покоя, ни единой искры света... Стены совсем чёрные, и река, свободно протекающая посреди, также черна и с шумом ярости катит свои волны вдоль стен. Вся картина такова, что хочется бежать в ужасе, и ни один ученик, раз узревший её, никогда не решится взглянуть на неё снова; лишь незнающий в состоянии стремительно войти и быстрым взором окинуть происходящее.

Более мудрые знают, *какое* это отчаяние, и — затихают и силою удерживают свою веру, несмотря на одолевающий их страх; ибо, если бы в этот миг ученик оставался даже у своего собственного очага с рукой нежно любимого друга в своей руке, всё же внезапное чувство беспредельного одиночества проникло бы в его сердце и оно остановилось бы на миг, пронзённое ужасом и болью.

Нужно помнить, что в первой Церемонии *Желания Рождения* вступительный шаг сделан, душа перешла в жизнь новую и ещё неизведанную. Следующим переживанием будет неминуемое чувство изумления и смятения. Вступающий в оккультизм *должен* пройти через это испытание. В первый раз оно кажется ужасным, ибо ему не предвидится конца. Перейти через него кажется невозможным. В действительности, страдания, через которые проходит рождающаяся в новую жизнь душа, те же, через которые проходит рождающееся дитя. Это — воистину страдания новорожденного и совершаются они по тем же законам. Когда же великое усилие совершено, оно немедленно забывается; но повторяется оно с каждым новым периодом роста, и с каждым новым шагом по «тесному пути» испытание становится всё более страшным. Первоначальная форма этого испытания, через которую проходит каждый человек, это — сознание холодного равнодушия, с которым мир относится к его переживаниям. Все проходят через этот урок жизни, сперва с ропотом, а позднее подчиняются неизбежному и склоняются перед ним с готовностью, как в природе склоняются перед напором ветра. Но после вступления на Путь, с каждым новым переживанием *Церемонии Рождения*, ученик проникает всё глубже в недра своей собственной души, пока наконец не потеряет всё: себя самого, своего Руководителя, своего Бога, и не останется обнажённым и одиноким.

Желание рождения сменяется чувством ничтожества; желание силы, могущества, совершенства, заменяется убеждением, что *ничего нет*, что усилие — тщетно, что могущество — бесцельно, потому что совершенство невозможно. Это и есть страшное появление Охранителя Порога. И всё же необходимо пройти смело и без содрогания через страшное испытание потери всякого доверия к своей собственной душе и веры в своего Учителя. В этот роковой день все, кто поддерживал и помогал ученику во всех других испытаниях, удаляются от него,

исчезают, уходят совсем: их нет более.... Без трепета и без грусти должен ученик перенести это одиночество.

Глава II

Пройдя через мрак отчаянья и поняв, что всякое обладание лишь временно, что всё меняется и исчезает, ученик готов пожертвовать всем, что имеет, дабы служить божественной Жизни, которая одна лишь сохраняется вечно и неизменно. Отныне он знает, что и он сам — существо изменчивое и преходящее, и он готов отдать самую душу свою ради того, чтобы питался божественный зародыш, глубоко скрытый в нём, который спасёт его от колебаний и непостоянства материального существования.

Вот первая и простейшая формула, произносимая при Церемонии Посвящения.

Посвящаю дух, долженствующий родиться внутри меня, служению великому Духу Любви.

В наступающем году я буду пребывать в Святилище Любви.

Я не нарушу законов этого святилища.

Я буду помнить, что не должен просить любви, а должен давать любовь; что я должен отдать миру всего себя.

Я не буду делать зла никому; я буду прощать всем. В ответ я желаю лишь одного: чтобы дух, долженствующий родиться во мне в течение этого месяца, был признан Братством душ за душу, причастную вечной Любви.

Когда эта формула произнесена, ученик делает глубокий поклон и наступает тишина. Та тишина, в которой раздаётся Голос Безмолвия. Индивидуальность ученика определилась, в мире Духа он признан и принят. Весть, передающая ему о том, слышна в его собственном сердце, а также в сердцах тех, которые способны расслышать Голос Безмолвия; но до земного слуха тот Голос достигнуть не может.

Толпа ещё не прозревших душ, которые в неясном полусознании уже испытывают влечение стать частью божественного тела Любви, появляются в этом великом событии из драмы Мировой Души, но не с открытым лицом, а с наброшенным покрывалом.... В этом сборище участвуют те, которые ещё не dokonчили своего развития, которые верят в своих личных учителей и слепо верят в Бога, на которого уповать их учили с детства.

Сила и чистота их желания даёт им право участвовать в радостях и страданиях Посвящения, но они переживают это участие бессознательно, в темноте души, ещё не просвещённой истинным светом.

Но при свете или в темноте, Дух *должен* преклониться в Святая Святых своей души. Этот миг в жизни Духа называется в оккультизме «глубоким поклоном».

Когда же описанная Церемония окончена и вполне пережита, ученик достигает ступени нового знания и развития, которые уже не могут быть утеряны никогда. Право присутствовать при этом приобретается чаще всего победою над чувством законного негодования, вызванного испытанной обидой или несправедливостью. Ничто, кроме большой личной жертвы и самоотречения, сотворённого в духе, не даёт этого права. Такое самоотречение имеет абсолютное значение; оно покрывает не отдельный случай несправедливости или обиды, но все возможные случаи несправедливости и обиды. В позднейших переживаниях ученику несравненно труднее победить негодование при виде несправедливости, наносимой другим, и особенно беззащитным. Но прошедший через Церемонию Посвящения должен пройти в своё время и через б`ольшие глубины проникновения, совершенство которого будет расти по *мере* усилий ученика. Припомните слова Великого Учителя, обращенные к его ученикам: «где двое или трое собрались во Имя Мое, там Я буду с ними».

Первое опытное оккультное усилие, предстоящее тем «двоим или троим», которые стремятся к единению, состоит в том, чтобы — присутствуя на Церемониях — узнать друг друга в духе. Но это возможно лишь тогда, когда каждый из двух или трёх уже прошёл поодиночке через Церемонии и завоевал право присутствовать на них сознательно во все времена. И тогда, при возобновлении Церемонии возможно, что эти двое или трое встретятся в духе и узнают друг друга и пройдут рука с рукой через более глубокие мистерии. Без такого товарищества почти невозможно вынести испытания последних Церемоний. Но нужно при этом твердо помнить, что «узнать» означает здесь явление внутренней жизни, а никак не внешней, в каком бы то ни было смысле. Ни дружба, ни любовь, как эти чувства понимаются человеком, пока он ещё только человек, не могут представлять собой верного указания. И это абсолютно верно, хотя бывает иногда, что чувства, называемые нами дружбой или любовью, и служат выражением истинного союза духа.

Но никогда не следует смешивать это духовное единство с внешним союзом, как бы чист и глубок он ни был; самый факт устремления внимания в неверном направлении влечёт за собой неминуемое возмездие.

Как раз во время оккультных Церемоний происходит встреча членов Белого Братства, когда принадлежащие к божественному Ордену Любви впервые узнают о существовании друг друга. Если, достигнув сознательности в астральном мире, ученик узнает в рядом стоящем — друга или возлюбленного земного своего существования, тогда его успех на духовном пути достиг высокой ступени. Ибо только после многих и многих усилий удаётся ученикам соединиться рука с рукой в физическом мире. Но возможным это может стать лишь когда божественное в человеке окрепнет и войдет в силу настолько, чтобы мог развернуться в нём лепесток цветка Лотоса*, нежный аромат которого усилится при этом до столь явного благоухания, что станет доступен даже и для земных чувств. Но если бы это и случилось (и благословен тот, кому даётся столь редкий дар), никто, кроме посвящённых высшей ступени, не в состоянии узнать о том иначе, как в астральном сознании. Остальные могут верить в это так глубоко, что их уверенность почти равносильна знанию, и всё же она должна оставаться для них прекрасным романтическим предметом веры, дающим радость и помощь до тех

пор, пока отношение к нему останется должное. Но основывать на такой вере свою деятельность, даже самую бескорыстную, нельзя. Законы природы не могут быть нарушены без противодействия с их стороны, и совершенно так же проявляются и законы высших миров. Одно из первейших начал оккультизма или религии власти требует, чтобы человек работал в гармонии с силами жизни. Поступая так, он пользуется этими силами; противодействуя им, он неизбежно навлекает на себя страдание.

* «Лотос» или «чакрам» так называются в оккультизме те органы будущей эволюции человека, которые имеются в зачаточном состоянии у всех людей. В состоянии полного развития они служат посредниками между земным сознанием человека и высшими мирами. — *Прим. перев.*

Глава III

Следующий большой праздник рождения — *Праздник Любви*. Он приходит в круговороте года вслед за *Праздником Посвящения*.

Вот описание части этой Церемонии, как она записана учеником, присутствовавшим сознательно во время её совершения.

«Сегодня весь чертог, где происходит Церемония, окрашен зелёным и пурпуром. Большая река, протекающая из конца в конец и часто невидимая для глаза, на этот раз совсем открыта. Она напоминает тихую луговую реку, окаймлённую высокими травами, какую можно видеть летом в прохладной стране.

Камыши и тростники возвышаются над травами, словно группы стройных привидений, все стены горят драгоценными камнями, которые сами собой складываются в слова для тех, кто способен читать.

Снаружи теснится толпа, ожидающая войти. Это место, которое мы зовем «Чертог Обучения», стоит посреди большой, широкой, призрачной страны, где очень трудно продвигаться вперёд, — так сильно смущают путника непрерывно движущиеся тени. Тени эти появляются и исчезают, и приводят идущего в странное замешательство.

В этом смутном смешении теней трудно увидеть Чертог Обучения, несмотря на всю его обширность. Но это только вначале: когда раз увидишь его, он будет виден всегда, ярко освещённый, за исключением лишь одного момента, когда совершается Церемония, о которой была уже речь названная нами *Переживанием Ужаса*.

В остальное время Чертог наполнен таким сиянием, равного которому не найти во всём мире. Это Свет Познания. При входе — длинный ряд ступеней, которые иной раз кажутся неприступными скалами, а иной раз сглаживаются в ничто.

Бывает, что проходит так много времени, пока ученик поднимется на одну лишь ступень, что когда он достигнет до входа, дверь оказывается закрытой и войти уже нельзя. Но даже если дверь стоит и полуоткрытой, она подаётся так тяжело, что совсем раскрыть её чрезвычайно трудно. На тех учеников, которым удастся войти, немедленно набрасывается покрывало, чтобы глаза их не ослепли от света, а слух не погиб навсегда для земных звуков, раз до него коснется невыразимая сладость музыки этого внутреннего мира».

Вот несколько отрывков из формулы *Церемонии Любви*:

«Любовь есть единый властелин,
Единый повелитель,
Единый творец».

«Ненависть и Сатана — одно: мятежник, производитель смут, разрушитель».

«Действие любви — милосердие».

«Действие ненависти — злоба».

«У любви лишь одно наказание для грешника, наказание это — *Прощение*».

«Жить сообразно закону любви — мы знаем это — в тысячу раз труднее, чем жить по закону ненависти: настолько же, насколько труднее быть божественным, чем человеческим».

«Ради этого великого усилия мы жертвуем собой и обязываемся соединиться воедино для осуществления его. Ибо в одиночестве это — не выполнимо».

«Жить сообразно закону любви означает, прежде всего, принятие всякого зла за добро. Этим принятием, сделанным в духе любви, зло преобразуется в добро. Преображению зла в добро как в собственной душе, так и в душе других, а также в делах земной жизни, мы посвящаем себя. Этому усилию любви мы отдаём себя на всё время, пока длится жизнь наша. Отныне мы не будем избегать зла. Любовью мы преобразим его. Любя его, мы делаемся частью творческого начала (которое есть Любовь), следовательно облакаемся властью давать всему, что любим, новую жизнь».

«Потоки любви смывают всякую порчу».

«Потоки Любви разрушают все преграды; их сила, являющаяся частью движения вечной Жизни и их стремительность уносит все временные соединения и разрушает их. Они увлекают человека в глубину великого центра Любви, и всё менее важное остается — как не имеющее значение — по сторонам потока».

«Тот, кто в состоянии погрузить хотя бы ноги или руки в этот поток, уже получает силу встречать лицом к лицу жестокость земной жизни и презирать её, страдая при этом в тысячу раз более тех, кто ни разу не слышал о водах Жизни и никогда не приближался к ним».

«Но кто способен *весь* погрузиться в них, тот переходит на ту ступень, когда мир и вся его жестокость уже не могут затронуть его».

Тот же ученик, который записал вышеизложенное, на следующий год проник одной ступенью далее в Мистерии, и тогда Чертог предстал перед ним в совершенно другом виде.

«Чертог казался совершенно белым. Можно бы подумать, что пол покрыт белым бархатом, если бы стены не имели того же вида, словно все они были засыпаны снегом, который и придавал всему эту странную глубокую белизну. Но холода не могло быть, иначе вдоль стен не стояли бы белые лилии, стройные и высокие, в человеческий рост.

Многие из присутствующих видят Чертог по-видимому совершенно иным, и я никогда не видал его ранее в таком виде. Для меня нет более той сверкающей игры цветов, которую я видел здесь ранее.

Белизна эта появляется, когда мир любви снизошёл в сердце, когда любовь сделалась абсолютно бескорыстной. То — чистота любви, которая делает любовь совершенной, но чистота не в смысле аскета, бесцельно расточающего данную ему природой возможность пройти через весь подготовительный опыт, — но в смысле оккультиста, который хорошо знает, до какой степени не важно, в какой форме любовь проявляется в земном мире, пока она по существу своему остается бескорыстной.

Цвет в этих Церемониях указывает на разряд вибраций, на которые мысль и чувство ученика способны отзываться; таким образом каждый, понимающий язык цветов, знает определенно по тому, *что* видит перед собой, в каком месте Божественного порядка он находится. И тот же язык складывается в ту формулу, какую каждый из присутствующих в состоянии понять и принять.

Бескорыстие создает кристальную чистоту, которая угашает живую окраску цветов и драгоценных камней, подобно тому, как чрезмерный солнечный свет заставляет бледнеть яркость цветов.

Получить некоторое понятие об этой белизне возможно только тогда, когда сердце открылось не только для тех, кто приносит ему радость, но и для всего большого печального мира, и даже для той его части, одно воспоминание о которой вызывает томление и боль.

Драгоценные камни, которые я ранее видел сверкающими по стенам Чертога, с переливами самоцветного блеска, сегодня подобны звездам, или же очам, исполненным света. Простирающийся по ту сторону алтаря сад, который я всегда видел наполненным роскошно окрашенными цветами, сегодня сияет сплошной белизной и производит впечатление снега, — странно призрачное впечатление, когда знаешь, что всё кругом согрето теплом.

Я не вижу никого, всё пространство кажется мне пустым, и в то же время я чувствую вокруг себя присутствие большой, трепещущей толпы. Мне кажется, что

я слышу биение многих сердец и знаю, что все они исполнены одним желанием, оживлены одним стремлением.

Я нашел моего Учителя в саду, я услышал его слова: «Кто раз увидел эту белизну, которую ты видишь сегодня перед собой, или кто только слышал о ней с пониманием, тот уже не может оставаться по-прежнему в ленивом нерадении, которое делает из мира место печали. И даже если бы тот, кто видел эту белизну, или кто слышал о ней, и захотел отказаться от битвы и стать снова как другие, это оказалось бы невозможным. Дух пробудился, и он должен работать и бороться до конца без отдыха и перерыва, останавливаясь лишь на глубоком сознании, которое поддерживает его невредимым в водовороте бурь и скорбей, ибо — в его глубине пребывает благовейный, беспредельный покой”».

Глава IV

За *Праздником Любви* следует *Праздник Единения*. Чертог сияет, и его окраска напоминает различные оттенки аметиста; пол покрыт ковром из распустившихся цветов, фиалок и анютиных глазок. Формула поётся в полголоса; вся толпа учеников участвует в пении, но голоса звучат так нежно, что пение раздается как тихий шёпот.

«Нет более отдельных путей.
Все различные стези слились в единый путь».

Следы учеников становятся отныне подобны следам, высеченным в скале, ибо от начала веков каждый, всходивший на путь, ступал в следы своего предшественника. Шаги всех одинаковы. Вот почему и царит совершенная любовь, совершенное понимание и совершенная симпатия между всеми, вступившими на путь и ставшими частью Белого Братства.

Армия любви подвигается как один человек, ибо среди неё не может быть недоразумения и ошибок. Она осуществила совершенное единение, и ничто, кроме такого единения, не в состоянии довести «великую битву жизни» до конца. Вот почему все, желающие жить истинной жизнью, должны осуществить совершенный союз любви, по крайней мере с одним или с двумя из ближайших своих.

То, что называется любовью на обыкновенном языке мира, есть первый шаг в направлении к такому единению, как бы непрерывный призыв, манящий нас осуществить великую попытку.

Те, для кого любовь лишь мимолетное переживание, не имеют понятия, в какие глубокие тайны вводит она человеческое сердце. Неспособные сделать первый шаг через любовь и через неё же сделать следующие шаги, а затем спешно двинуться вперёд, пока их душа в состоянии будет пройти через всю «Церемонию Единения» сознательно, — такие будут отпадать снова и снова, как бы сильно ни

было их стремление, и как бы велики ни были их дары. Ибо тот, кто стоит в одиночестве, стоит лишь для того, чтобы упасть.

«Я — лишь часть целого.

Я — лишь один камень в великом храме».

Я — воин в единой рати, и я не должен отклоняться от ближайшего ко мне даже на единую пядь; ибо сделай я это, и движение всей рати будет расстроено. И потому я сохраняю неизменное единение с моими братьями — соратниками».

При конце Церемонии, когда вся формула, отрывок которой приведён здесь, пропета до конца, — каждый ученик произносит внятно и раздельно следующие слова:

«Пройдя сегодня через всю Церемонию до конца, я знаю, что принял в себя и *на* себя ответственность за всех. Зная это, я готов без единой жалобы быть отброшенным с места, на котором стою, если я отклонюсь или поколеблюсь под каким бы то ни было испытанием, которое падёт на ближайшего ко мне; ибо я знаю, что моя сила не может истощиться, пока сотоварищи мои остаются со мной, и пока мы соединены, мы *не* можем упасть».

Глава V

«Праздник Удовлетворения» следует за «Церемонией Единения». Вот его описание.

Делая сегодня ночью усилия, чтобы достигнуть «Чертога», я подумал вначале, что потерял дорогу. Я очутился в высокой чаще миртовых кустарников, которые были все в цвету. Надо мной было голубое небо. На минуту меня насквозь пронизало ощущение обвевавшего меня свежего воздуха и солнечного сияния, и силы и радости окружавших меня растений. Когда же я вступил в «Чертог», я увидел, что все миртовые побеги были срезаны, брошены на пол и покрывали его своею зеленью. Кто-то, стоявший рядом со мной, сказал: «Взгляни, жатва собрана. Она лежит под ногами идущего, и, при каждом его новом шаге издаёт сладостное благоухание, которое никогда уже не покинет его. Опыт, приобретённый удовлетворенной любовью, сделался частью его самого, и любовь более не тревожит его, но пребывает с ним как вечная радость. Он удовлетворён, и удовлетворение это останется в его душе навсегда. Но уже не как часть его самого, ибо сам он поднялся выше, а как орудие, которым он может пользоваться. Мирта выросла в высоту и взирала в небо очами своих цветов. А сейчас она лежит подрезанная; она разбросана по полу, как ничего не стоящая трава, чтобы расстился душистый ковер в Храме Поклонения».

И тогда я понял, что ученики, исполнившие свою задачу, собирают жатву великого воздаяния в виде расширенной деятельности и рождения в новую, более высокую жизнь.

И поняв это, я почувствовал, что и я способен присоединиться к произносимой формуле. Вот некоторые из слов формулы:

«Я удовлетворён, ибо настало совершение».

«Я доволен, ибо всё кончено».

«Я даю, ибо сердце моё переполнено; оно не может вмещать всего, что имеет».

«Божественное удовлетворение снизошло на меня».

«Я сознаю, что любовь бесконечна, хотя сам я могу удержать лишь одну каплю её».

«И поэтому я срезаю деревцо, выражавшее мой личный рост».

«Здесь на полу “Чертога” лежит мирта моей жизни; здесь она увянет и будет выброшена, когда пол будут очищать для следующей большой Церемонии».

«Отныне я не имею ничего, и я сам — ничто».

«И однако я всё имею, и я есмь всё».

«Я сплю и бодрствую одновременно».

«Внутри меня — неизмеримое довольство, которое есть вечный покой; раз достигнутый, он уже не может быть нарушен никогда. Достигнув совершенного мира, я готов для неустанной деятельности и для непрерывной борьбы».

Глава VI **ДЕНЬ РОЖДЕСТВА. ПРАЗДНИК РОЖДЕНИЯ.**

Рождество — второй великий праздник года; первым по значению считается Светлое Воскресение. Следующее описание относится к той же ступени посвящения, как и в Церемонии Любви, когда цвета принимали зелёный и пурпуровый оттенок.

Чертог принял розовую окраску бледного цвета диких роз, местами сгущающийся в более тёплые тона. С виду это похоже на облака, напоминающие или большие букеты бледных роз без листьев, или же нежные облака на вечерней заре. Местами, где розовый цвет сгущается в более тёплые оттенки, из глубины этих алеющих бликов появляются зигзаги пламени; это — сверкание мысли или чувства, которое и есть рождение души.

Большая река открыта и светла. Она является совершенно неподвижной, совсем не видно течения, и кажется она огромным зеркалом, до того ярко отражает её поверхность. Не видно ни цветов, ни трав, и ничто не нарушает её тихую гладь.

Ученики приближаются один за другим к её краям, молча глядят в её глубину и затем уступают место входящим. Толпа не очень велика.

Это — наиболее важное переживание во всём году, исключая Светлое Воскресение, но здесь присутствуют немногие по сравнению с предыдущими Церемониями, потому что мало кто в состоянии выдержать это испытание. Многие, прошедшие через всё предыдущее, надеялись найти силу и для этого труднейшего переживания, но не выдерживали, слабели и отступали, даже приблизившись к самому входу в Чертог. Некоторые, уже вошедшие, поворачивали назад при виде неподвижной реки, которая в своей мертвой тишине и немом покое и представляет «испытание». Ибо в час рождения, в верховный миг, душа взирает на себя без покрова.

В тихой воде возникают картины, которые складываются для каждого иначе. Там он видит свою собственную жизнь, весь развернувшийся свиток пережитого, отраженный как в зеркале, без неясности и без смягчения, ничем не прикрытый. Все факты тут, перед глазами, во всей своей простоте и наготе, без оправдания и без личины. Иные повести, передаваемые водой, иные выступающие картины прекрасны до того, что сам глядящий бывает потрясен неожиданной красотой своего поступка из давнего прошлого. Возможно, что он действительно забыл о нём, или же старался забыть, стыдясь его, ибо иногда люди понуждаются своим высшим Я к делам гораздо более прекрасным и великодушным, чем сами они могут вместить. Другие картины выступают в постыдной яркости, иные грязные, иные ужасные. Ученик смотрит, как зачарованный, в эту неумолимую книгу жизни, в эти обнаженные итоги, которые развёртываются перед ним — картина за картиной, как длинный свиток, пока всё не будет прочитано до конца, и вся сумма жизни не подведётся с неумолимой точностью.

И только тогда, подавленный разоблачением всей своей жизни, ученик отходит, уступая место следующему, и переходит в место, невидимое для остальных, находящихся в Чертоге, — место, называемое «часовней огня», где сосредоточен тот пламенеющий свет, который вырывается от времени до времени из средоточий роз, которыми покрыты стены Чертога. Туда вступает ученик. Впечатления его подобны тому, как если бы он вступил в огонь раскаленного горна, ярко пылающий, но не обжигающий. Когда человек проникает в эту часовню, даже и та его часть, которая составляла его животную душу, спадает с него у порога, и он остаётся обнаженным, — без личины и без какого бы то ни было покрова. И он принуждён войти в ослепительный свет в таком виде, — неодетым, неприкрытым, беззащитным. И если он сможет сделать это, если он и теперь не обратится назад и не бросится бежать, как это делают многие, которые подвинулись так же далеко на пути, тогда он увидит *самого себя*. Пламя нового рождения вырывается из сердца бледных роз, которыми покрыты стены, каждый раз, когда человек имел силу и смелость взглянуть на себя в этот миг. Все посвященные, находящиеся внутри Чертога, знают по этому признаку, что он прошёл через испытание, избрал жизнь и родился вновь.

Родившийся переходит из места огня в место безмолвия. «Часовня безмолвия» находится рядом с главным центральным алтарём на той же стороне, как и «часовня огня». Душа ученика выходит из пламени и, вступив в место тишины,

остаётся там до Светлого Воскресения, отделенная на весь тот промежуток от деятельной материальной формы человека. И не ранее чем испытание Страстной Пятницы будет выдержано и останется позади, и божественная часть человеческой души выстрадает своё последнее страдание и погрузится в глубину могилы, — не ранее может достигнуть до человека внушение от его высшего Я.

Вот отрывки из формулы Праздника Рождества:

«Я готов быть сожженным и уничтоженным, ибо — это и есть рождение в новую жизнь».

«Я готов быть обнаженным и беззащитным и страдать от своей обнаженности, ибо это и есть жизнь».

«Я готов отказаться от чистой радости неограниченной жизни для страдания воплощенной жизни».

«Я покоряюсь, и я готов оставить позади себя ту любовь, которая верна, совершенна и непреходяща, и удовольствоваться случайными обрывками и рассеянными частицами её, и делать усилия, чтобы привлечь их к себе и слить их в одно целое с собой».

«Я готов странствовать в материальном мире в темноте и в огне, дабы круговорот несотворённого стал единым с круговоротом сотворенного».

Когда в Церемонии Любви белизна была познана, тогда ученик начинает слышать Голос Безмолвия уже не изредка, не как бы чудесным образом проникающий в сознание звук, но как постоянного руководителя и повелителя. Приказания достигают духа человеческого, и они постигаются его физическим разумом в такой полноте, что не только становится ему ведомо, *как* повиноваться им, но и то, что приказания эти подлежат повиновению так же безусловно, как законы природы.

Первые приказания, которые достигают внимающего духа ученика, бывают слышны в день рождения, когда он узрел белизну Праздника Любви и поднялся на первую ступень Белого Братства.

Вот слова первого приказания: «Желание рождения в новую жизнь должно сложиться в молитву, в которой выразится усилие воли. Эта молитва должна пребывать в душе в течение года без перерыва и выливаться в слова каждое утро в момент пробуждения. Сознание и дух ученика должны с силою и совершенством сосредоточиваться на этом желании. Никогда он не должен забывать это ежедневное совершенное сосредоточение. Если ученик пропустит хотя один день, решимость вступить в Чертог Обучения в праздник рождения следующего года будет уже недостаточно сильна для того, чтобы открыть перед ним тяжелую дверь».

Ежедневное сосредоточение воли и мысли должно продолжаться лишь три минуты, три молитвы должны быть сознательно выражены в душе. Это — три

желания, которые должны отделяться от всех остальных желаний, в таком порядке:

«Я желаю совершенной силы».

«Я желаю совершенного знания».

«Я желаю совершенной любви».

Глава VII СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

В промежуток между днём рождения и погружением в могилу для божественной части человеческой души настанет время отдыха и приготовления, для материальной же её части — время различного опыта и усиленной жизни. Это время — символ всей жизни человека в материи, и её кульминационной точкой является то состояние темноты, которое мы называем смертью. Состояние это символизируется в истории Христа днями, проведёнными во мраке могилы.

В Страстную Пятницу Чертог является ученику местом глубокого мрака; на стенах, чёрных как ночь, появляются очертания и слова в летучем пламени. В темноте раздаётся голос:

«Эта тьма, освещаемая летучими вспышками света, есть верное отражение жизни в материи. Жизнь в материи темна, и её события так же мимолётны, как эти летучие вспышки света. В земной жизни нет ничего неизменного и всё её истинное значение состоит лишь во взаимном соприкосновении между личностями и в усилиях роста. То, что называется событиями и обстоятельствами, и что считается реальным содержанием жизни, в действительности — лишь условия, которые вызывают эти соприкосновения и делают возможным этот рост».

Чертог полон молчаливыми тенями, неподвижными, как изваяния. Одни лишь глаза полны жизни, они устремлены на летучий свет, вспыхивающий в темноте. Это — состояние безличной души, достигшей индивидуальности и заключившей себя в эту темницу или могилу материальной жизни. И снова раздаётся голос:

«Материя и зло пребывают. Оба составляют Божественное Тело. И они не могут быть уничтожены, они подлежат преображению. Это может быть сказано тем, кто не нуждается более в личном существовании, даже как в проводнике добра».*

Со дня рождения божественная часть человека, отлучившая себя из сонма ангелов, чтобы отождествиться с своими собственными преходящими следами, впечатленными на песке времён, оставалась во мраке, но теперь для неё приближается возобновление совершенной жизни. В этом — смысл мировой драмы, скрывающейся при рождении Будды и Христа, а также и при рождении божественного в каждой человеческой душе, в которой совершается это чудо.

* Здесь зло понимается не в земном смысле, а в космическом, как *ограничение*, необходимое

для Божественного Самопроявления. Пока Бог не проявился. Он, безграничен, когда же Он проявляется в Своём Творчестве («божественное тело»), Он жертвует Своим Совершенством, ибо ограничение есть уже несовершенство, отторжение части от целого. — *Прим. перев.*

Мария, Богоматерь, божественный творческий дух, являющийся в материнском виде, дабы дать жизнь Божественному Младенцу, который и есть высшая суть каждого человека. Мария — Девственница потому, что божественное — целостно и творит внутри своей собственной сути. Вот почему бесполезно искать руководства вне своего Я. Ученик — в тоже время и учитель, назидаемый повелевает наставнику, безмолвие говорит.

Иосиф христианской легенды есть Человечество в своей непосредственной простоте, нетронутое преступлением или пороком, и непросвещённое божественным светом, пока Мария не даст ему Божественного Младенца.

Урок, даваемый в течение всего марта, достигающий в Страстную Пятницу своей предельной точки, состоит в познании, что существуют и жизнь, и смерть, и что оба составляют одно. Три предварительные Церемонии могут быть выражены так:

«Я вижу смерть».
«Я знаю смерть».
«Я есмь смерть».

Следующий за ними высочайший момент Страстной Пятницы может быть передан в словах:

«Я жив».

Между первой и второй «предварительной Церемонией» проходит четыре дня, также и между второй и третьей; третья отделяется от Страстной Пятницы лишь одним днём.

«Прими смерть и преобрази её в жизнь так же, как ты принял зло и преобразил его в добро».

«Вся тайна оккультизма состоит в чуде преобразования и превращения».

«Не уничтожай ничего, но всё преврати в добро, преобрази всё в красоту, сделай все вещи желательными».

«Помни, что Ненависть — разрушитель, Любовь же — творец и строитель».

Вот отрывки из формулы, произносимой в Страстную Пятницу:

«Я умер и Я жив».

«Божественное говорит: “Я — то, что познаётся как зло”».

«Духовное говорит: “Я — то, что познаётся как материя”».

«Божественное *не* может быть омрачено злом, как золото не может пострадать от прикосновения огня».

«Дух *не* может стать материей, так же как вода не может слиться воедино с огнём».

«Золото очищается пребыванием в огне, и божественное в человеке лишь сбрасывает с себя всё, что не оно само, когда проходит через испытание огнём».

«Дух, когда отождествляет себя с материей, сметает её так же, как вода угашает огонь. Он должен пламенно желать пройти через огонь, прежде чем чудо сможет совершиться. Духовная часть человека должна в такой степени распознать темноту и смерть физической части, с такой полнотой и готовностью погрузиться в неё и преобразить неизбежное зло в желательную вещь, что она растворится и исчезнет. Так, погрузившись в могилу, Спаситель мира разрушил самую могилу».

«И вот, после глубокого безмолвия часов или веков молитвы, усилия, унижения, — могила разверзается, отдаёт назад своего мертвеца, и то, что было мертвым, начинает Новую Жизнь».

Глава VIII СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

«Я проник внутрь Чертога; я ощущаю божественные дуновения; я чувствую великое Присутствие. Я знаю, что всё — зелено, что почва покрыта быстрорастущими травами, которые поднимаются из-под моих ног. Листья и зелёные ветви покрывают все стены. Я не вижу цветов. Зелёный пол кажется необъятным, как поверхность самого мира. Я вижу бесчисленные религиозные процессии священников, движущихся по всем направлениям в облачениях всех религий, какие только существуют на земле. Все без исключения поют пасхальные гимны. Я знаю, что это — духи всех, совершающих в этот день богослужение с верой и правдой, всех, чувствующих всё значение этого священного часа. А толпы закрытых покрывалами теней, наполняющие всё широкое пространство, это — все молящиеся в церквах и вне церквей, поклоняющиеся в духе и истине, все начинающие проникать в смысл своего поклонения. Всё представляется мне смутно, как бы сквозь мглу, и это вызывает смятение; но я знаю, что если бы я мог видеть яснее, я утерять бы всякое понимание материальной жизни. Мой дух недостаточно силён, чтобы вынести раскрывающееся перед моей душой, ибо тот Чертог, который для смутного моего зрения казался измеримого объёма, в действительности не что иное, как Всемирный Храм. Это становится несомненным для каждого, проникшего в него в этот день».

«Кто-то держит меня за руку и ведёт вперед; без этой помощи было бы трудно стоять и почти невозможно двигаться. Тот, кто меня ведёт, объясняет, что все души, обладающие силою любви и истинного поклонения, проходят через это место, которое в действительности не место, а состояние души. Весьма немногие достигают до него сознательно, пока живут ещё в теле, но целые мириады

вступают в него с наброшенным покрывалом, ничего не сознающие иначе, как в *святая святых* своей души. Все они находятся ещё в состоянии зародыша, нуждающегося — подобно яйцу — в тепле и свете, что на языке оккультизма означает *знание и любовь*, необходимые для развития скрытой в душе жизни; и жизнь эта не должна до времени сбрасывать с себя охраняющий её покров, подобно физическому зародышу, который не мог бы развиваться без защищающей скорлупы яйца».

«Отсюда, из Чертога Обучения, который есть действительное местопребывание для ясновидца, а для духа является состоянием или условием бытия, исходят все откровения, всё, что даётся нам свыше вдохновенными Учителями. Здесь Учителя ожидают своих учеников, готовые дать им обильную духовную пищу. Совершенное знание, т. е. знание, которое собирается путём наблюдения и живого применения всех способностей, как и всякое зрелое знание на земле, приходит к ученику лишь тогда, когда охраняющая скорлупа разбита, покров, скрывавший дух, сброшен, и божественный человек стоит выпрямившись во весь рост; когда такая свобода достигнута вполне, душа покидает свою могилу и земля уже не имеет силы над ней».

Это событие и празднуется в Пасхальную Ночь. И для тех, которые способны поклоняться с проникновенным знанием и занять свое место в Чертоге сознательно, в то время, как жизнь в теле ещё продолжается и земная деятельность ещё не прервана, для тех делаются доступными невыразимые радости небес. Они узнают, *как* надо любить и сострадать, *как* нужно давать и преклоняться. Таковы уроки, которые проходятся внутри этих стен, построенных из самой субстанции божественной Мысли. Внутри этих стен невозможно ни единое резкое дуновение; носящийся там дух любви содержит и охраняет всех. В тот час, когда пасхальные богослужения прекращаются, когда каменные храмы умолкают и толпы молящихся расходятся, каждый в свое уединение, тогда лишь начинается настоящая Церемония. Но передать её словами нельзя.

В ней — экстаз всего года, час пробуждения души, когда человек познаёт мистерию любви во всей её полноте. Все входящие ученики становятся в ряды как братья; все, кто научился любить друг друга, стоя плечом к плечу, в тесном общении. И бесконечный дух любви проносится по рядам этого радующегося воинства подобно озаряющему свету, и в тоже время это — нечто незыблемое и вечное.

Прошедшие когда-либо через эту Церемонию не могут уже ни ранить, ни убивать, ни причинять страдания ни единому живому существу; и с каждым разом, как они снова проходят через неё и всё глубже и глубже проникают в её светлые глубины, они вырастают в духе и становятся всё более жизненными и непреодолимыми силами в мире. Ибо с каждым достигнутым успехом, они всё более приобщаются к той силе, которая составляет принадлежность всего Белого Братства.

В глубоком тайнике души пребывает темнота. Там нет познания ни внешних вещей, ни явлений земной жизни.

В этом месте темноты бьёт живой источник Любви и вечной Жизни, что — одно и то же.

Если испить из этого источника и омыться его водой, ни о чём не вопрошая, лишь прикинув к его струям, тогда утолится навек и жажда познания, и тоска по неугасающему свету.

И воды источника устремятся с такой силой, что душа возжаждет поделиться с другими, и когда она будет поить жаждущих, из глубины её поднимется такая радость, которая утишит на век всю её жажду, казавшуюся столь безмерной и неутолимой.

И тогда совершится чудо Воскресения, и возникнет внутри души расцветание Жизни, и властью этого расцветания всё кругом покроется новой зеленью и радость новой Жизни внесётся в мир.

И тогда ты сам начнёшь творить чудеса и не будет у тебя более времени, чтобы останавливаться в изумлении перед тем, *как* они творятся вне тебя.

В великой школе Любви, прежде чем переступается порог, у самого входа необходимо произнести обет. Вот слова, которые должны сложиться в сердце твоём:

«Я буду любить»

Ты более не желаешь любви, ты не требуешь и не ищешь любви. Ты её даёшь.

Пока этот обет не произнесён с полной искренностью, вступление невозможно. Когда же он произнесён, ты войдёшь — может быть сознательно, но может быть и бессознательно — сообразно своим духовным дарам; и с этого часа ты становишься «учеником» и начинаешь непрестанно вырастать в красоте и силе.

Проникновенная острота жизни в этой атмосфере Любви и Могущества невообразима для тех, до кого не доносилось ещё дуновения её свежей нежности. Вкусить её во всей полноте — означает воистину воскреснуть в Новую Жизнь.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

